

Церковнославянский язык и языковой собор

В данной статье церковнославянский язык рассматривается как русский, славянский и евразийский культурный код, а также вводится понятие «языковой собор».

Ключевые слова: церковнославянский язык, славянофильство, евразийство, языковой собор.

Сторонники перевода богослужения Русской православной церкви на современный русский язык не всегда осознают, что язык церковнославянский не ограничен исключительно литургическим пространством. Он также лежит в основе нашего светского литературного языка, и, по подсчетам лингвистов, церковнославянизмы составляют примерно пятьдесят процентов активного словарного запаса нынешнего русскоязычного человека. Он, как правило, не воспринимает слова типа «союз», «разница», «страна», «небрежный», «краткий», «горящий», «угощать» с их фонетическими и морфологическими приметами как церковнославянизмы, но по факту даже самый атеистично настроенный носитель русского языка является в определенной степени носителем и языка церковного. Когда наши предки приняли христианскую веру, он, южнославянский по происхождению, органично слился с живой стихией восточнославянской речи, обогатил ее новыми словами, передал этой стихии строгие грамматические формы, азбуку, буквы которой в полной мере могли фиксировать музыку речи, а в будущем определил стилевое разнообразие русского языка.

Церковнославянский язык стал «экологической нишей» [1] русского языка, прошел с ним все исторические испытания, сдержал потоки западноевропейских и тюркских заимствований, отсеял лишнее и помог прижиться всему по-настоящему необходимому, не дал свести к примитиву лексику и синтаксис.

Об этой миссии церковнославянского как кода русской культуры сказано немало. Но важно осознать и другое: церковнославянский – это язык и международного общения. Сегодня он является единственным преемником старославянского языка, для которого в IX веке создали письменность святые Кирилл и Мефодий и на который для славянского мира были переведены книги Священного Писания. Это происходило в то время, когда славянские наречия в сравнении друг с другом были еще, скорее, диалектами, нежели обособившимися языками. И особенно важно, что общий письменный язык в первую очередь сплотил славян в молитве, а уже потом стал языком литературного творчества и науки.

Старославянскому и его «потомку» церковнославянскому так или иначе оказались сопричастны все славянские ветви. Кирилл и Мефодий пришли миссионерами в Великую Моравию, включавшую тогда в себя территории нынешних Чехии и Словакии. Основой старославянского стал македонский диалект болгарского языка. В пору падения Византийской империи и османского ига Русь дала пристанище болгарским и сербским книжникам, спасла их ученое наследие,

культурно обогатилась им, стала последним оплотом православного славянства. Когда через пять веков южные славяне обретут независимость и им придется восстанавливать свою языковую церковную традицию – ее основой станет именно церковнославянский язык восточных славян. В период никоновской «книжной sprawy» в противостоянии сойдутся московская и киевская книжные традиции. Вторая, как известно, возобладает, но значительно впитает в себя первую.

Так, нынешние русские, белорусы, украинцы, сербы, болгары, македонцы, черногорцы, чехи, словаки – все сопричастны кирилло-мефодиевской традиции. Борьба славянофилов за свободу Сербии и Болгарии в XIX веке станет во многом борьбой за эту традицию. Для Константина Сергеевича Аксакова церковнославянский язык будет воплощением невыразимых смыслов: «Чудное зрелище представляет этот язык, весь освятившийся вечным содержанием, всего его проникнувшим язык, понятный для народа, но никогда не сходящий в мир его нужд и забот, никогда не могущий сделаться орудием его затей и намерений: так точно, как прекрасное небо простирается над ними, доступное для нашего созерцания; мы поднимаем к нему взоры и любуемся его вечною красотой, – но оно никогда не сойдет к нам на землю, оно никогда не будет нам доступно и всеизменяющая деятельная рука человека никогда не достигнет его. Поэтому, когда мы входим только в самый язык церковнославянский, оторванный, т.е., как небо от земли, от всего случайного, мы чувствуем уже себя перенесенными в другой мир, где все вечно, где все как в храме, в котором он раздается, освящено присутствием бесконечного Божества» [2, с. 38].

«Предтеча славянофилов» Александр Семенович Шишков, сравнивая славянские и европейские языки, найдет корень церковнославянского («славянского») еще глубже, назовет его «отцом бесчисленного множества наречий и языков» [3, с. 319], языком наиболее близким к праязыку, к единому первоязыку, на котором могли говорить и Ной, и Адам.

Последователь славянофилов, один из главных идеологов евразийства Николай Сергеевич Трубецкой в двадцатые годы XX века предлагал выстраивать славянское единство на основе обязательного преподавания русского литературного языка в славянских странах [4]. Сегодня подобная идея представляется еще менее воплотимой, чем сто лет назад. Разного рода экстралингвистические обстоятельства разобщили славян, к тому же, создавая впоследствии свои литературные языки, многие предпочли опереться не на церковный язык, а на какой-либо национальный диалект, отчего любой из южных или западных славянских языков нам приходится изучать теперь как иностранный.

Но у нас осталась последняя скрепа – язык богослужения. В православных храмах славянского мира мы по-прежнему слышим службу такой, какой слышали ее Пушкин, Ломоносов, благоверный Дмитрий Донской, святитель Савва Сербский, ученики равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Н.С. Трубецкой писал, что языки могут состоять не только в генетической (языковые семьи), но и в географической близости («языковые союзы») [5, с. 372], когда взаимовлияние происходит в результате пространственного соприкосновения и долгого сосуществования в рамках одной цивилизации или на стыке нескольких. Все сложнее рассчитывать славянам на семью или союз языков. Но развивая мысль Н.С. Трубецкого, можно выделить еще один тип единства – языковые соборы, основанные на общности богослужебных языков. Языковой

собор – это самый надежный из современных путей славянского сплочения. Это не панславизм: с расколом христианства славянский мир тоже распался на православных (Slavia Orthodoxa) и католиков (Pax Slavia Latina), есть в этом мире и мусульмане. Но России и большинству славянских стран для самосохранения необходимо неразделимо цивилизационное ядро.

Без славянской общности бессмысленна евразийская идея. Славянство – это самобытное «евро-» евразийства, наше, по мысли Ломоносова, культурное преимущество перед Европой [6], это то, что позволяет не свести Евразию к Азии. Евразия всегда опиралась на славянство также прочно, как евразийцы опирались на славянофилов.

Современные евразийцы пытаются строить свои концепции, ориентируясь преимущественно на политику и экономику, но неслучайно основатель этого направления Н.С. Трубецкой был лингвистом, славистом. Сегодняшнему евразийству не хватает личности, подобной Н.С. Трубецкому, способной с научной обстоятельностью и публицистической эмоциональностью напомнить славянам об их общем истоке. Не хватает личности, которая убедит постсоветскую Азию в абсурдности отказа от кириллицы в пользу латиницы. Личности, которая докажет, что сохранение церковнославянского языка – это ответственность России не только перед своей культурой, но и перед всем славянским языковым собором.

Литература

1. Панин, Л.Г., А.С. Пушкин и церковнославянский язык. – URL: <http://pushkin.niv.ru/review/pushkin/007/687.htm>. – Текст: электронный.
2. Аксаков, К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. Литературная критика. – М.: Современник, 1981. – С. 30–89.
3. Шишков, А.С. Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных // А.С. Шишков. Огонь любви к Отечеству. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 276–344.
4. Трубецкой, Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н.С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 122–139.
5. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Н.С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – С. 371–372.
6. Ломоносов, М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений / АН СССР. – М.: Л., 1950–1983. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 585–592.

M.A. Kildyashov

Church Slavonic language and Language Council

This author studies the Church Slavonic language as a Russian, Slavic and Eurasian cultural code, and introduces the concept of «language Council».

Keywords: Church Slavonic language, Slavophilism, Eurasianism, language Council.

References

1. Panin, L.G. A.S. Pushkin i cerkovnoslavjanskij yazyk [Pushkin and the Church Slavonic language] [Electronic resource]. Mode of access: <http://pushkin.niv.ru/review/pushkin/007/687.htm>
2. Aksakov, K.S. Lomonosov v istorii russkoj literatury i russkogo yazyka [Lomonosov in the History of Russian literature and the Russian language] // K.S. Aksakov, I.S. Aksakov Literary criticism. – Moscow: Sovremennik, 1981. Pp. 30–89.
3. Shishkov, A.S. Opyt rassuzhdeniya o pervonachalii, edinstve i raznosti yazykov, osnovannyj na issledovanii onyh [The Experience of Reasoning about the Origin, Unity and Diversity of Languages, based on their studies] / A.S. Shishkov Ogon' lyubvi k Otechestvu [Fire of love for the Fatherland]. Moscow: Institut russkoj civilizacii [Institute of Russian civilization], 2011. – Pp. 276–344.
4. Trubetskoy, N.S. Obshcheslavjanskij element v russkoj kul'ture [General Slavonic element in Russian culture] / N.S. Trubetskoy // Voprosy yazykoznanija [Issues of linguistics]. 1990. № 2. Pp. 122–139.
5. Trubetskoy, N.S. Vavilonskaya bashnya i smeshenie yazykov [the Tower of Babel and the mixing of languages] // N.S. Trubetskoy Nasledie Chingiskhana [Legacy of Genghis Khan]. Moscow: Agraf, 2000. Pp. 371–372.
6. Lomonosov, M.V. Predislovie o pol'ze knig cerkovnyh v rossijskom yazyke [Preface about the usefulness of Church books in the Russian language] // Lomonosov M.V. Complete works / an USSR. Moscow; Leningrad, 1950–1983. Vol. 7: Works on Philology 1739–1758. M.; L.: Publishing house of the Academy of Sciences USSR, 1952. Pp. 585–592.